

КГУ «Восточно-Казахстанская областная детско-юношеская библиотека» управления культуры, архивов и документации ВКО

Информационно-библиографический центр

«Земля – слезинка

«На щеке Вселенной»

(Тема экологии в художественной литературе
казахстанских писателей)

Аннотированный библиографический указатель
для юношества и РДЧ

г. Усть-Каменогорск, 2018 г.

*«Кружись, айналайн, Земля моя!
Как никто,
Я сегодня тебя понимаю,
Все болезни твои на себя принимаю...»
(О. Сулейменов)*

*«Земля – слезинка на щеке Вселенной» [Текст]:
аннотированный библиографический указатель / сост. С. А.
Карабаева. – Усть-Каменогорск, 2018. – 40 с.*

От составителя

Оскудение природных ресурсов, обмеление водоёмов, исчезновение определенных видов животных и растений, загрязнение воздуха, метеорологические изменения климата, вызванные вмешательством человека в природу, обозначались в середине прошлого века с такой силой, что мир заговорил об экологическом кризисе.

С осознанием обществом тревожной экологической ситуации писатели, освещая тему «Человек и природа», обращают внимание на трагические последствия экологического кризиса. Казахские писатели А. Нурпеисов, Р. Нургалиев А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев, Ж. Елшибек, С. Жубатырулы и другие заговорили о судьбах Арала, Балхаша, о Семипалатинском полигоне, о космодроме Байконур - в целом о казахской земле, превращённой в «сплошной полигон».

Восточно-Казахстанская областная детско-юношеская библиотека предлагает аннотированный библиографический указатель «Земля – слезинка на щеке Вселенной» по теме экология в художественной литературе и поэзии казахстанских писателей и поэтов.

Пособие состоит из трех разделов:

1. Экология души: духовная связь человека и окружающей его природы в казахстанской литературе.
2. «Разрушено уже почти всё, но взамен не создано еще ничего»: экологические проблемы Казахстана в современной казахстанской прозе.
3. Тема экологии в казахской поэзии.

Списки литературы в каждом разделе даны в алфавите авторов и заглавий. Указатель предназначен для читателей категории юношества и РДЧ.

Произведения, которые мы Вам рекомендуем прочитать, находятся в фонде нашей библиотеки.

В конце пособия помещен алфавитный указатель лиц.

Все отзывы и замечания о данном издании, а также ваши предложения просим направлять по адресу:

г. Усть-Каменогорск,

ул. Космическая, 6/2

Областная детско-юношеская библиотека

Информационно-библиографический центр

Контактный телефон: 75-44-36

<http://www.vkolibrary.kz>

Список литературы

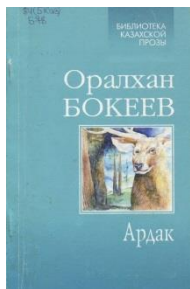
1. Экология души: духовная связь человека и окружающей его природы в казахстанской литературе.

Если не дорог тебе твой край, где босиком оббегал каждый уголок, если не чтешь ты законов своего народа и не любишь свой отчий дом, ты зря живешь на свете: иссохнет твоё сердце, зачерствеет твоя душа и не воздастся тебе от щедрости земли, от её красоты, от её изобилия.

Мухтар Шаханов

Алимкулов, Такен. Черногривая волчица [Текст] : рассказы : пер. с каз. / Т. Алимкулов. - Астана : Аударма, 2003. - 62 с. - (Библиотека казахской прозы).

Два рассказа «Черногривая волчица», «Охотник и орел» Такена Алимкулова, вошедшие в этот сборник, объединяет одна тема: человек и природа. Это извечное противостояние можно толковать по-разному. Глубоко-философски, поднимаясь до масштабных обобщений, или "приземленно", сосредотачиваясь на реальных событиях. Такен Алимкулов мастерски соединяет эти платы, наделяя окружающий нас мир энергией сопротивления, извечным стремлением к свободе, и потому победа охотника нередко оборачивается его поражением.

Бокеев, Оралхан. Ардак [Текст] : рассказы : пер. с каз. / О. Бокеев. - Астана : Аударма, 2003. - 72 с. - (Библиотека казахской прозы).

Перо Оралхана Бокеева - лауреата Государственной премии, одного из самых талантливых казахских писателей, - необыкновенно поэтично, хотя рассказывает он о людях простых, крепко стоящих на земле. Его произведения, в том числе те, что собраны в этой книге, созданы волнением сердца, преданно любящего родной мир, родную землю, величественные и таинственные горы, в которых человек остается один на один с одиночеством. Да, жизнь сурова, и она непрерывно испытывает на прочность и юную Ардак, и ее родителей, живущих в одинокой юрте на берегу озера, и гордого оленя Кербугу, и непокорного верблюженка Буру... Все они страстно и мучительно ищут свободы, ищут смысл бытия, и этот поиск добавляет света в нашу жизнь...

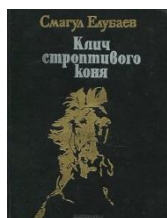

Бокеев, Оралхан. Человек - Олень [Текст] : повести и рассказы: пер. с каз. / О. Бокеев. - Астана : Аударма, 2011. - 568 с : портр. - (Библиотека Казахской Литературы).

Каждая строка книг О. Бокеева - признание в любви к родной земле. Его земля - это удивительный, своеобразный мир на самом востоке республики. Природа у О. Бокеева - неременный и равноправный участник событий. Она вмешивается в жизнь героев, формирует характеры, вопрошает, наставляет, экзаменует. Аспан из повести "Крик", угодивший в ущелье в ледовый плен. Чабан из повести

"Поющие барханы", спасающий овечью отару от натиска рассвирепевшей стихии. Молодые трактористы из повести "Снежная девушка", сбившиеся с дороги в непроглядной январской ночи. И шаткий Чертов мост ("Крик"), переброшенный через быструю горную речку. Все это одновременно и реально и метафорично. Герои погружены в стихию природы, ритм их жизни совпадает с ритмом жизни природной.

Вся проза О.Бокеева устремлена к размышлению о добре и зле, о силе и храбрости, о подлинных и мнимых духовных ценностях. В ней торжествует жадная, напористая, неистовая старость к жизни, ее совершенствованию

Елубаев, Смагул. Клич строптивого коня [Текст] : пер. с каз.; повести и рассказы / С. Елубаев. - Алма-Ата : Жалын, 1986. - 248 с.

Основу книги прозаика составили три повести - "Клич строптивого коня", "На свете белом" и "Судный день". Они не связаны тематически, но в то же время как бы продолжают друг друга - герои этих повестей живут в разное время, волей случая они поставлены в экстремальные ситуации, переживают душевные потрясения, и каждый из них решает для себя главные вопросы жизни - Добра и Зла. Рассказы "Медное копыто" и "Ойсыл кара" посвящены проблеме взаимоотношений человека и живой природы.

Джансугуров, Ильяс. Кулагер [Текст] : отрывки из поэмы: пер. с каз. / И. Джансугуров ; пер. М. Луконин. - Алма-Ата : Жалын, 1983. - 32 с. : ил.

«Кулагер» – это преподнесенная в стихотворной форме повесть о великом казахском певце Ахане-сере, печальный рассказ о гибели его любимого коня Кулагера. Ахан-сери в поэме «Кулагер» И. Джансугурова остро переживает гибель своего коня. Даже разлука с любимой так не потрясла его, как трагедия с Кулагером. Убивают же коня поэта на скачках - байге, занимавших большое место в кочевой жизни. Участниками скачек, в особенности отрицательными персонажами, а при необходимости и положительными, допускается всякое, чтобы избавиться от удачливого соперника. Кулагера в поэме Джансугурова постигает та же печальная участь. Зависть и ненависть врагов поэта, низость и подлость души толкают их на преступление - убийство исподтишка прекрасного скакуна.

Магауин, Мухтар Муханович. Гибель борзого [Текст] : повесть / М. Магауин. - Астана : Аударма, 2003. - 80 с. - (Библиотека казахской прозы).

В мировой литературе немало произведений, посвященных отношениям человека с верным другом - собакой. Эти отношения раскрывают сложную взаимосвязь живых существ, умеющих понять друг друга и помочь друг другу в самых сложных ситуациях. Эта удивительная верность восхищает и трогает сердце, не случайно она воспета многими писателями, чьи произведения входят в ряд шедевров литературы. И среди них по праву может быть названа талантливая повесть известного писателя Мухтара Магауина "Гибель борзого", выходящая в серии "Библиотека казахской прозы".

Тема 2: «Разрушено уже почти всё, но взамен не создано еще ничего»: экологические проблемы Казахстана в современной казахстанской прозе.

Семипалатинский ядерный полигон был создан по решению Совета Министров СССР от 21 августа 1947 года. Полигон стал площадкой для испытания советского ядерного оружия и занимал огромную площадь в 18500 кв. км. земли.

Семипалатинский ядерный – единственный полигон в мире, на территории которого всегда жили и продолжают жить люди!

Семипалатинский полигон... Сколько боли и страданий в этом названии... Сколько жизней положено на жертвенный алтарь техпрогресса. Молчаливые упреки в глазах детей, оставленных без будущего... Когда Земля отпустит наши грехи?.. Этого не знает никто...

А. Жаксылыков создал романый цикл «Сны океанных», состоящий из пяти романов:

1. «Поющие камни»,
2. «Сны океанных»,
3. «Другой океан»,
4. «Дом суриката»,

5. «Возвращение», каждый из которых является самостоятельным произведением и в то же время частью общего цикла. В романах А. Жаксылыков, широко используя символику, в мифологическом ключе разрабатывает проблему глобального экологического кризиса.

Жаксылыков А. Ж. Поющие камни [Текст]: роман / А. Жаксылыков // Простор. – 1997. - № 7. – С. 27-61.

Цикл «открывается» романом «Поющие камни». Роман о бездне, в которую заглядывает человек конца XX начала XXI века. Те, кого чувство бездны настигает, спасаются от него, кто как может. Автор воспроизводит дантовские круги ада своего персонажа. Главный герой рос в богом забытом поселке близ ядерного полигона. Его детство не было буколическим, но то и дело всплывало в памяти рассказчика радостными эпизодами: игры в «щекотной пыли», любимая маленькая собачка, ослик, подаренный малышу родителями, мамино платье, пахнущее карамелью. Увы, других воспоминаний – удручающе-тягостных – было больше. Дети в поселке умирали рано. В ядовитых желтых облаках, надвигающихся со стороны полигона, их развитие замирало или принимало ужасающие формы. Телесные уродства воспринимались как естественный порядок вещей – дети с раннего возраста знали, что во всем виноват страшный, зарывшийся в землю дракон – Айдахар-полигон.

Главный герой – мальчик по имени Жан – рано ощутил страх перед жизнью; он боялся всего – ночи, громких звуков, энергичных людей... Недолюбленный матерью, слишком рано потерявший отца, Жан пронес этот страх через всю свою жизнь. Будучи уже взрослым, став видным ученым, блестящим интеллектуалом и подающим надежды поэтом, он так и не смог примириться с жизнью. Неудачный брак. Нежелание приспособливаться к хищническим законам толпы. Измена жены с лучшим другом. Эта череда событий привела Жана в дощатый сарай старика-китайца и в буквальном смысле превратила в раба, собирающего нефритовые окатыши в устье пересохшей реки. Произошло – по формулировке Кастанеды – «стирание личной биографии»: тяжелый труд, голод, жестокие побои превратили лощеного интеллигента в «унылую человекообезьяну», жизнь которой должна была пресечься с помощью немецкой бритвы. Но – не пресеклась. Пройдя через круги ада, герой все-таки выбрал жизнь и – в исконном значении этого слова – смирился с ней.

**Жаксылыков А. Ж. Сны окаянных [Текст]:
Трилогия. - Алматы: Алматинский издательский дом,
2006. - 526 с.**

В сюжете романа «Сны окаянных», автор обращается к вечной теме ценности жизни, разумного и неразумного начал в ней, к проблеме смерти, причем рассматриваются они в широком философском плане. Герои романа – люди, пострадавшие вследствие ядерных испытаний на сверхсекретном ядерном полигоне. В основном это мирные люди из селений, которые жили рядом с полигоном, не подозревая об опасности, последствиях лучевого поражения и болезнях, вызываемых им. Перед взрывом никого не эвакуировали – не простых жителей, ни военных. Но роман А. Жаксылыкова – не просто произведение об экологической катастрофе, это роман философский.

Главные персонажи романа – это дети-жертвы ядерных испытаний, дети-калеки, генетические отпрыски беспощадного эксперимента, разными формами врожденного уродства, брошенные родителями в детском-доме. Они живут в специализированном детдоме-лечебнице, страдают от заболеваний, вызванных облучением. В историях детей прочитывается сюжет «человек перед лицом зла».

**Жаксылыков, А. Ж. Дом суриката [Текст] :
(четвертая книга романного цикла "Сны окаянных") /
Жаксылыков А. Ж. - Алматы : Ценные бумаги, 2008. - 434
с.**

Роман «Дом суриката» является логическим продолжением предыдущего цикла, романов «Поющие камни», «Сны окаянных», «Другой океан». Книга предназначена для широкого круга читателей, однако без ознакомления с другими книгами цикла ее понимание будет затруднено. В структурном и философском смысле четвертая книга в футуристическом и неореалистическом

духе продолжает тему войны и сверхоружий в новейшей истории человечества. На этот раз автор освещает проблему возможности применения голографического оружия на экстремальном психологическом фоне. Возможно, это самая неоднозначная многоуровневая книга автора. Ее основная идея – выживание человечества и предостережение от гонки вооружений в условиях глобального экологического кризиса.

Более глубокий смысловой слой произведения – красной нитью проходящая мысль о том, что бытие – это тотальный сон абсолюта. То есть учение о майе (жалган). Библейско-коранические мотивы и реминисценции создают мифологическое переплетение тела романа, создавая впечатление генезиса мира. Их рассказывает детям в своих лекциях старик - учитель.

Сейсенбаев, Роллан. День, когда рухнул мир [Текст]: рассказы / Р. Сейсенбаев. - Жидебай: Международный клуб Абая, 2002. - 88 с.

С помощью художественных средств автор передает свои горькие раздумья об испытании атомного оружия, мучениях земляков, животных и его личные переживания, смерть девочки Кенже от взрыва бомбы - всё это относится ко всей планете. В центре всего рассказа - обобщающий образ Земли, истощаемой человеком. Первой жертвой испытания оружия массового уничтожения стала красивая девочка Кенже, первая - за ней сотни, тысячи, миллионы. Смерть Кенже опять-таки символизирует гибель красоты жизни на земле, гибель всего голубого шара. Р. Сейсенбаев показывает неотвратимое движение к катастрофе

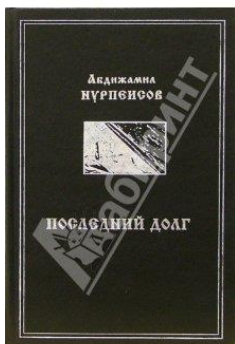
Аральское море в 1960 году было четвертым по размерам гигантским озером на нашей планете. Поверхность зеркала воды находилась выше уровня моря на 53 метра, а общая площадь составляла 68 000 кв. км.

Аральское море сегодня – это высыхающее озеро, которое сократилось в своем размере. Оно ушло на 100 км от прежней своей береговой линии.

Отступившее море оставило после себя 54 тыс. км² сухого морского дна, покрытого солью, а в некоторых местах еще и отложениями из пестицидов и различных других сельскохозяйственных ядохимикатов, смытых когда-то стоками с местных полей. В настоящее время сильные бури разносят соль, пыль и ядохимикаты на расстояние до 500 км.

Нурпеисов, Абдижамил. Долг [Текст] : роман. эссе : авториз. пер. с каз. / А. Нурпеисов. - М. : Известия, 1988. - 496 с.

Нурпеисов, Абдижамил. Последний долг [Текст] : роман / А. Нурпеисов. - Алматы : Атамұра, 2000. - 384 с.

В 2000 году вся книга обрела ее нынешнее имя - “Последний долг”. Приплюсовалось одно слово, но изменилась интонация.

Тогда - императив, повеление, призыв к быстрому реагированию. Над этим романом-дилогией крупнейший прозаик современности, лауреат Государственной премии СССР, автор знаменитой трилогии "Кровь и пот" Абдижамил Нурпеисов проработал без малого четверть века.

Это глубоко реалистическое полотно, философское осмысление поистине неохватной трагедии народа - гибели Арала. В романе бушуют страсти многотрудной человеческой судьбы.

Море мелеет, рыба уходит, берега безлюдуют. Страшное зло - карьеризм, жизнь сегодняшним днем, корысть, ложь, демагогия - ржой подтачивает вековые нравственные устои. Исковеркана природа, исковерканы судьбы людей.

Есть в этом романе жестокая ясность, холодная необратимость вывода. Идеи врезаны четко, как следы в подтаявший днем и к ночи отвердевший лед. Но четкость следов человеческих непрочна, обманчива, подобно крепости льдины, уносящейся в море. Читателя волнует и увлекает нечто непредсказуемое, поднимающееся из темной и живой глубины, бездонно шевелящееся под тонким льдом"...

Герой «Последнего долга» колхозный председатель Жадигер генетически восходит к нурпеисовскому же Еламану из трилогии «Кровь и пот». По упрямому правдоискательству, по взрывному сочетанию необузданности и отходчивости, основательности и простодушия, по слитности с рыбацкой участью. Различие в том, что Еламан, поднимаясь и падая, вспыхивая гневом и подавляя темные инстинкты, верил, что его мытарства не напрасны. И пусть не сегодня, так завтра, не для него, так для потомков наступит благословенная эра справедливости.

На страницах «Последнего долга» как знак, как мета преемственности снова возникает землянка предводителя народного бунта. Но уже окончательно развалившаяся, заросшая бурьяном — тусклое эхо, еле мерцающее воспоминание о давнем обитателе. Будущее, во имя которого пролито столько крови и пота, не принесло на эти берега ни достатка, ни гармонии, ни

умиротворения. Напротив, оно еще более пугающе, ибо все зыбко и все под сомнением. Люди как враждовали, так и враждуют между собой, как норовили, так и норовят выхватить кусок пожирнее. Но хуже всего, что от их распрей, от их слепоты устала сама природа.

Сейсенбаев, Роллан. Мертвые бродят в песках [Текст] : роман / Р. Сейсенбаев. - Жидебай : Международный клуб Абая, 2006. - 674 с. - (XXI век ; № 41. Проза).

Роман писателя "Мертвые бродят в песках" – один из самых ярких романов XX века. Это – народный эпос. Роман-панорама бытия. И главный персонаж тут не Личность,

а Народ.

Есть книги, в которых «дышат почва и судьба», и время над ними не властно. Это о романе Роллана Сейсенбаева «Отчаяние, или Мертвые бродят в песках». Роман, исполненный апокалипсических пророчеств и невероятной человеческой боли. Он о судьбе Арала и рыбаков Приаралья. Концентрация беды и безнадежности в нем столь велики, что, читая его, испытываешь запредельные психологические перенагрузки. И никакого просвета, как в фильме Ларса фон Триера "Меланхолия".

Характеристику роману, и довольно полную, дает в предисловии к нему Григорий Гачев: «Строго говоря, перед нами еще не роман, а просто длинное повествование, где можно нанизывать персонажи на персонажи и встречи-разговоры на разговоры. И плюсовать беду за бедой: высыхание Арала, отравление детей и рыбы водами, выпущенными химкомбинатом в Сырдарью, одичание собак и волков - к ядерным испытаниям в Семипалатинске, рождение там детей-дебилов - к выветриванию почв от распахивания пастбищ, адвективный туман - к кислотному дождю, смерч - к

пожару и т.д. Как семь печатей снимаются с Бытия в Апокалипсисе (вот модель книги Сейсенбаева). И насчет всего этого разговоры, встречи: бьется джигит-батыр социальный Кахарман, защитник народа, пишет письма в Москву, встречается с учеными, с секретарем обкома, даже Горбачеву передает письмо. Тут канва - путешествия, как в античном и авантюрно-бытовом романе, канва обзорно-панорамы».

3. Тема экологии в казахской поэзии

«В процессе воспитания экологической культуры читателя особое место занимают лирические произведения. В силу своей эмоциональности и экспрессивности стихотворные тексты могут глубоко и лирично передать сложные взаимоотношения человека с природой. Поэт тонко чувствует дисгармонию мира, рожденную враждебным отношением человека к природе. Лирический герой обостренно переживает разобщенность человека с окружающей естественной средой. Эмоциональное состояние поэта оказывает эстетическое воздействие на читателя.»

Р. А. Досмаханова

Досмаханова Р. А. Тема экологии в казахской поэзии [Текст] / Р. А. Досмаханова // КазҰУ хабаршысы=Вестник КазНУ. Сер. Журналистика. - 2014. - № 1.

Макатаев М. Когда спят лебеди // Образ лебедя в русской и казахской литературе [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.microanswers.ru/>

Как человек относится к природе? Существуют ли определенные этические нормы поведения человека по отношению к окружающей среде? К чему ведет нарушение этих правил? Наказуемо ли нравственное преступление человека перед природой? Круг подобных проблем затрагивается в поэме М. Макатаева «Когда спят лебеди». Поэт тонко и лирично описывает одинокое озеро Жетымколь, расположенное высоко в горах. Водоем осиротел, так как его

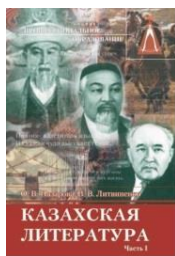
покинули лебеди. М. Макатаев описывает в ретроспективном плане картину пребывания на озере белых лебедей. Жетымколь ликовал от счастья при возвращении своих хозяев - лебедей. Озеро шептало величественному Алатау о суюнши за счастливую весть. В этом краю испокон веков существовала традиция, основанная на священной заповеди: нельзя стрелять в белых лебедей, нельзя нарушать лебединый покой. Исчезали с лица земли поколения людей, оставляя потомкам это великое назидание. Параллельно миру природы поэт показывает в поэме и человеческую действительность. У изголовья больного ребенка томятся от бессилия отец и мать. Несчастливая мать мечется в поисках пути спасения единственного сына. И тут она вспоминает о нелепом совете целителя: окропить ребенка лебединой кровью. Между супругами завязывается диалог. Отец отказывается совершить такой грех. Тогда безумная мать с ружьем в руках отправляется на озеро. Автор мастерски живописует озерный пейзаж, предутреннюю тишину и лебединый сон.

Однако суровая действительность пересиливает сомнения мятущейся женщины. Она забывает о святой заповеди предков и стреляет в лебедя. В этот момент озеро горько оплакивает смерть птицы, даже камни обезумели от случившейся беды. Старый конюх, встретивший женщину у озера, спрашивает, не поранила ли она до крови палец перед свершением ужасного преступления. Символическое искупление кровью как бы смягчает тяжесть греха. На вопрос старика безумная женщина обреченно замечает, что не подумала об этом, хотя в детстве часто слышала о народной заповеди: будет жестоко наказан убивший лебедя. Видимо, несчастная мать в страхе за жизнь единственного ребенка не поняла скрытый смысл слов целителя. Выздоровление ребенка через лебединую кровь невысказано, так как нельзя

убивать этих святых птиц. Если невозможно убить лебедя, значить нет возможности спасти больного ребенка. Горькую правду лекарь-вещун передал, опираясь на вековой народный опыт: человек, почитающий закон о святости лебедей, поймет, что нет спасения ребенку. М. Макатаев акцентирует внимание на психологическом мотиве поступка героини. Однако такая сложная трагическая ситуация, где на первом плане материнская любовь, не смягчает тяжести нравственного преступления. Убита красота, нарушена гармония. Человек разрушил изначальный миропорядок, переступил священный закон предков. В результате он наказан, даже если этот человек – самое гуманное и жизнелюбивое существо как мать. Поэтому в конце поэмы несчастная женщина узнает о смерти ребенка.

Сейфуллина С. Раненая сайга [Электронный ресурс] / С. Сейфуллин. - Режим доступа: <http://bibliotekar.kz/>

В стихотворении С. Сейфуллина «Раненая сайга» описывается угрюмый пейзаж пустыни Бетпак-дала. Местные охотники обернули в промысел истребление сайгаков. В результате поредели ряды сайгаков. Не было уже многочисленных стад в степи. С помощью риторических вопросов и восклицаний автор открыто выражает резкий протест против массового явления уничтожения сайгаков. Сайга оказалась жертвой человеческой жестокости. Голос поэта звучит в защиту бедного животного. Поэт негодует против охотника, изувечившего сайгу. В тексте стихотворения нет конкретного описания охотника. Образ черствого человека постепенно вырисовывается при описании мук раненого животного. Риторические вопросы и обращения поэта также непосредственно напоминают об охотнике- носителе зла.

Сейфуллин Сакен. Разлученные лебеди
[Текст]: поэма / С. Сейфуллин // Назарова О. В. **Казахская литература** [Текст]: учебник-хрестоматия в 2-х ч. / О. В. Назарова, В. В. Литвиненко. – Астана: Фолиант, 2007. – Ч. 1. – С. 370-378.

Образ жестокого охотника возникает также в поэме С. Сейфуллина «Разлученные лебеди». Однако здесь представлен видимый, действующий персонаж. Затаившись в кустах камыша, он выстрелил из ружья в лебедя, затем неторопливо направился с ножом к своей жертве. Разрушена первобытная красота, совершено страшное преступление. Человек убил любовь и навсегда разлучил лебединую пару. Лебединая печаль описывается поэтом как человеческое горе. Несчастный лебедь оплакивает невозможную потерю. Состояние лебедя напоминает человеческие страдания. Одинокий лебедь принял добровольный конец: упал с высоты и разбился насмерть у ног охотника. И в смерти гордая птица оказалась верной своей возлюбленной. Лебединая преданность заставила вздрогнуть даже черствого охотника, который не решился выстрелить второй раз. В обоих произведениях отражены одинаковые ситуации: человек (охотник) совершил преступление перед природой (выстрелил в сайгу, в лебедя). Конфликт между человеком и природным миром создает не обратимую драматическую ситуацию. Человек жесток, черств. Он разрушает изначальный миропорядок. Голос поэта на стороне изувеченной природы. Поэт осуждает человеческую черствость и сострадает природному миру.

- **Сариев Шумешбай «Прощание поэта с морем»**
- **Сариев Шумешбай «Море», «Зашумело все вокруг»**
- **Сариев Шумешбай «Размышления о море»**

Ш. Сариев в стихотворениях «Прощание поэта с морем», «Море», «Зашумело все вокруг», «Размышления о море» выражает свою сыновнюю боль об участи моря-матери. Он родился и вырос в Приаралье. Этими объясняется его особое трепетное отношение к Аралу. В эмоциональной и патетической форме поэт оплакивает гибель старого Арала. Экологическая тема находит специфическое отражение в лирическом произведении. Лирический герой остается наедине с природой и его монолог адресован непосредственно к природе. Поэт оплакивает море, некогда воспетое поэтами, вдохновившее композиторов. Здесь проявляется духовная сущность природного мира. Арал – это не только водоем на географической карте, это история и культура народа.

- **Шаханов Мухтар «Трагедия Арала»**

Особое место в казахской поэзии на экологическую тему занимает образ высыхающего Арала. Поэты часто персонифицируют море. Так, в стихотворении М. Шаханова «Трагедия Арала» море олицетворяется с безмолвной матерью, потерявшей двух сыновей. Под сыновьями подразумеваются обмелевшие реки Сырдарья и Амударья. Поэт сочувствует морю. Арал вынослив как многострадальный, терпеливый народ. Стихотворение начинается риторическими вопросами об утраченных счастливых днях, когда море было полноводным.

Когда спят лебеди (Отрывок из поэмы)

Чисты и благородны души птиц,
Как стайка стройных молодых девиц,
Расчёсывают перья, выгибают шеи,
Как стайка балерин иль учениц,

Чисты и благородны души птиц!
Они не жадничают, не хватают
Как утки, пищу берегов родных.
Такие были лебеди, такие

Красивые и гордые, родные.
Озеро для лебедей – как родной дом, как мать:
И на волнах, как будто на груди,
Качала белых лебедей вода.

В невыносимо трудные года,
Чтоб лебедей не трогал никогда.
Что делать – лебеди - земные звёзды,
Создатель их для человека создал...

Они – единственные в целом свете,
Как буду я стрелять в святыни эти?.
Вот снова тянет мать руки к небесам:
«Сейчас, сынок
Рассвет приходит сам.

Сейчас ты выздоровеешь, сынок,
Вот мясо лебеда. Возьми, Ботам!»

Святыня!. Красота
Как мир жесток!.

Сейчас тебя я вылечу, сынок!
Святые!. Улетели в небеса
О горе!. О несчастная краса
Святые лебеди. Меня простите.
Святые, сына Сына мне верните

Мукагали Макатаев

**Разлученные лебеди
(поэма)**

Есть сказочные уголки,
В лесной одетые убор, -
Там, в глубине моей Арки,
Есть озеро средь синих гор.
И так светла его вода,
Что камешки видны на дне,
А берега его всегда
В туманной легкой пелене.
И нежных водорослей сеть
Узором в глубине волны...
Стоять бы здесь и все смотреть
На это царство тишины.
Безмолвьем дышат берега,
Здесь нет огней и нет людей,
За зарослями тростника
Белют шеи лебедей.

Свободы баловни, они
Белее, чем вершины гор;
Всегда вдвоем, всегда одни, -
Не отвести от них мне взор.
С утра до самой темноты
Здесь не смолкает птичий гам...
Они величье красоты
Дают безлюдным берегам.
И если я в степи бывал
Без провожатых, без друзей,
Я шел всегда к безмолвью скал,
К призывным песням лебедей.
На мягком лежа берегу,
Я утопал в траве по грудь,
Здесь не бывать я не могу -
Прохлады светлой не вдохнуть.
Вдали от городов пожить
Немудрой жизнью степняка...
Как можешь ты к себе манить
И зачаровывать, Арка!
Раз я у озера бродил
И вслушивался в каждый звук
И будто заново открыл
Его звучанья тайну вдруг.
Увидев в озере себя,
Нырjali птицы в глубь волны,
Рыбешку в клюве теребя,
Являлись вдруг из глубины.
Вот пигалица там, вдали,
Привычно хнычет в камышах,

Касаясь крыльями земли
И кувыркаясь в облаках.
Клекочет чайка, червяка
Хватая цепко, как палач.
И слышится издалека
То хохот, то как будто плач.
Гогочет гулко гусь-урод,
В какой-то кается вине,
И юрких уток хоровод
Скользит по мраморной волне.
И этот гомон, плач и крик
Не дорог памяти моей, -
И сердце хочет хоть на миг
Услышать песни лебедей.
Я ждал. Я слушал. Я смотрел.
Но глазу жадному видны
Лишь зелень камышовых стрел
Да рябь нетронутой волны.
Но вдруг совсем вблизи возник
Несмелый лепет, песни зов.
И вот плывет один из них -
Мой белый лебедь. Он готов
Лететь и петь, любить и ждать,
Принять и счастье, и позор.
Он ждет любимую опять,
Над гладью крылья распростер.
Но слышится издалека
Та песня, что всегда сильнее,
И лебедь, вздрогнувши слегка,
Уже летит, стремится к ней.

Здесь говорят, что каждый звук,
На землю чуткую упав,
Цветком на ней восходит вдруг,
Не только слышным - зримым став.
Пускай разлука коротка,
Всегда желанна радость встреч...
Крыло, как будто бы рука,
Касается любимых плеч.
Вот рядом лебеди плывут
Сквозь птичий гам, и стон, и визг,
И вдруг волну крылом порвут
На сотни бирюзовых брызг.
Их отражения мелькнут –
Вода становится светла,
Одним движением смахнут
Все брызги с белого крыла.
Их отражения мелькнут –
Вода становится светла,
Одним движением смахнут
Все брызги с белого крыла.
И тонких водорослей сеть
Они своим движеньем рвут,
Не уставая плыть и петь,
Они вдвоем поют, плывут.
Вдыхают нежный аромат,
Порвав невиданный узор,
Вдоль мягких берегов скользят
В прозрачный утренний простор.
Камыш касается лица,
Но я не двигаюсь, стою,

Они ведь ищут без конца,
Как выразить любовь свою.
... Но почему же, почему
В тиши такой, в любви такой
Она глядит в глаза ему
С необъяснимою тоской?
Что так негаданно могло
Ее глаза подернуть мглой,
Что звонкий звук заволокло
Глухого горя пеленой?
Вот лебедь крылья распростер
И, набирая высоту,
Покинул нежных волн простор,
Летит и плачет на лету.
Печальны взмахи крыльев-рук,
А крик подруги - словно стон...
Еще один прощальный круг -
И вот вдали растаял он.
Всегда разлука тяжела
И долгой кажется всегда,
Хозяйкой в сердце к нам вошла
Неотвратимая беда.
Вдруг вспыхнул шорох и погас,
Прошелестел и замер он.
И берег для ушей и глаз
Безмолвьем вновь заморожен.
Но лебедю неведом страх,
Он головы не повернул

На этот шорох в камышах,
Который мелких птиц испугнул.

Но миг - и в камышах сверкнул
Ружья жестокий холодок,
Огонь цветы перечеркнул,
Расцвел сиреневый дымок.
И выстрел, словно гром в грозу,
Над водной гладью прозвучал,

И первобытную красу
Развеял, подавил и смял.
И, дрогнув, ахнула волна...
Поражена смертельно в грудь
Лебедушка...
Лежит она,
Не в силах и крылом взмахнуть.
Был браконьер невозмутим,
Укрытый в камышовой мгле.
Лебедка всем теплом своим
Прильнула к стынущей земле.
Она лежит, как будто спит...
Убийца, встав из камыша,
Прикончить лебедя спешит
Холодным лезвием ножа.
Насквозь прошила пуля грудь,
Оставив теплый, вязкий след,
А птица тянется взглянуть
В последний раз на яркий свет.
А белогривые валы
Клубились у прибрежных скал.
И вал, разбившись у скалы,
Грозя, убийцу проклинал.

И вот, прошлепав по воде,
Вновь браконьер ножом сверкнул,
И вот, глухой к чужой беде,
Лебедке крылья он свернул.
Убийца ловок, точен, скор.

Он зубы скалит, как шакал,
К любви подкравшийся, как вор,
Убив, он гордо зашагал.
Но вдруг, покинув вышину,
Поспешно крыльями шурша,
Друг грудью врезался в волну
Вблизи густого камыша.
Почуял, что беда стряслась, -
И жизнь ему не дорога,
Любовь не даст столкнуть он в грязь
Руке коварного врага!
И лебедь не лететь не мог,
Он видел милую в крови -
И рухнул вдруг у самых ног
Убийцы счастья и любви.
"Убей меня, я смерть приму,
Мне больше не сужден полет...".
И, близко подойдя к нему,
Проклятье лебедь громко шлет.
Рыдая, бьет крылом волну,
Убийце преграждает путь, -
Не рвется больше в вышину,
А дулу подставляет грудь.
Но браконьер, убив одну,

Другого не посмел убить,
Хотел смягчить свою вину,
О чувстве память сохранить.
Вот крылья воздух снова мнут,
Но, места не найдя и там,
Вдруг, опускаясь, гневно бьют, -
Вслед за убийцей, по пятам.
Трепещут по траве густой
И вдруг застонут, прозвеня:
"О, я молю тебя, постой,
Убей меня, убей меня!".
Вокруг убийцы все кружась,
Летел, бежал, не отставал,
То вдруг смотрел, остановясь,
Просить врага не уставал.
А браконьер от пота взмок,
Шел без оглядки он вперед,
Но сиять ружье, взвести курок -
Убийца силы не найдет.
И лебедь снова ввысь взлетал,
Как стон - могучих крыльев взмах,
И вновь к земле он припадал
С тоской предсмертною в глазах.
К земле прижав крутую грудь,
Траву он крыльями хлестал,
И чтобы воздуха глотнуть,
Он высоко опять взлетал.
Обходит смерть таких, как ты,
Глядит на них со стороны,
Когда и солнце, и цветы,
И боль, и счастье не нужны.

Жестоким горем потрясен,
Живой, трепещущий слегка,
Вновь напрягает крылья он
И вновь летит под облака.
"Не расставаться никогда,
Клекочет клятвенный обет,
Пусть не почувствует вода
Разлуки одинокий след".
Все выше, выше крыльев свист,
Все дальше, дальше зелень трав...
И, крылья сжав, он прынул вниз,
Со свистом воздух разорвав.
Неудержимый, смят в комок,
Стук сердца крыльями обвив,
Разбился он у самых ног
Убийцы счастья и любви.
И вот все замерло кругом,
Кровь розовеет на груди,
В последний раз взмахнув крылом,
Любимой он шепнул: "Прости...".
Упал он наземь, весь в крови,
Он оживет в легендах вновь,
Нежнее в мире нет любви,
Чем лебединая любовь

Сейфуллин Сакен

Раненая Сайга (Поэма)

В Арке есть угрюмая местность — Бетпак.
В холмистой пустыне, в безводных степях
От века никто не селился,
Сайга лишь встречается в этих краях.

Безводная степь без озер и без рек,
Недаром ее невзлюбил человек.
Растет баялыш рядом с черной полынью,
Других же растений не сыщешь вовек.

Не раз нам случалось Бетпаком идти,
Широк — восьмидневному равен пути,
Развьючив верблюдов, мы в юрте походной
О нем разговор принимались вести.

Кулан и сайга здесь водились всегда
Привольно жилось им в былые года,
Числом не сравнились бы с их табунами
Казахские наши большие стада.

Меня кочевья в весенних степях,
Аулы раз в год проходили Бетпак,
И, пользуясь случаем, каждый охотник
Испытывал меткость на мирных сайгах.

Вот кровь по аулам рекою течет,
И тушам забитым теряется счет,
Но кто возмутился, что злая забава
Несчастных животных со свету сживет?

Кокпек и полынь — и жестки, и сухи —
Единственный корм белобедрой сайги,
И жалости нет людей к антилопе —
Ведь люди от века на жалость туги...

Сайгу антилопой зовут иногда,
Она никому не приносит вреда,
За что же охотник безвинных красавиц
Бессмысленно губит везде и всегда?

Люблю, черноглазая наша сайга,
Я поступь твою и прямые рога,
Не меньше людей я тебя привечаю,
Всегда ты была для меня дорога!

Животных других не сравню я с сайгой,
Пуглива она, как ребенок грудной,
И тонкими чутко поводит ноздрями,
При шелесте легком полыни степной.

Все меньше сайгачных становится стад,
Быть может, их скоро совсем истребят,
Сайгу, кочевавшую прежде стадами,
Встречает лишь изредка Пристальный взгляд.

И тут не пропустит ее зверобой:
Рога антилопы — товар дорогой...
Однажды, безлюдной тропой проезжая,
С израненной я повстречался сайгой.

Подбита безжалостной пулей врага,
Понуро свои опустивши рога,

К убежищу робко пыталась пробраться,
Шатаясь, брела по пустыне сайга.

Смертельно устала, смертельно грустна,
Вся грудь от сочащейся крови красна,
Бредет задыхаясь, от боли измучась,
Вот-вот упадет, обессилев, она.

Безмолвен Бетпак... Бесконечность степей...
Сжигает дыханьем своим суховой.
И нет ни души... Далеко до селений,
Где жизнь говорлива, как быстрый ручей.

Шатаясь, сайга по пустыне бредет.
Порой остановится, тяжело вздохнет...
И вновь, собирая последние силы,
Бесцельно по этим просторам идет.

Плетется сайга через знойный Бетпак,
Приносит страдания каждый ей шаг,
В прекрасных глазах нестерпимая мука,
Тоска безысходная в этих глазах.

Уже невозможно ей боль превозмочь,
Под солнцем палящим идти ей невмочь,
И нет ей пристанища в голой пустыне,
И нет никого, кто бы смог ей помочь.

Так кто же в пустыне следил за тобой,
Когда за сухой ты нагнулась травой?
Холодный убийца, бездушный охотник
Всадил в тебя пулю жестокой рукой.

Андрей Петрович Легкунец пишет: «Я родом из Казахстана, из села Новопокровка, что в 30 километрах от Семипалатинска. На моих глазах проходили испытания на печально знаменитом полигоне. Я видел ядерный гриб. Многих свидетелей тех событий уже нет в живых. От рака умер отец – участник Отечественной и Гражданской войн, моя жена – мать четверых детей. Эндокринными заболеваниями страдают дети и внуки...».

Злодейство века

Там, где земля стонала тяжело
И содрогалась, не стерпев
Тех испытаний бомбы адской.
От грохота оторопев,

Волчица по степи бежала –
Искала логово свое.
Впервые в жизни заплутала.
На пятый день нашла жильё –

Чабанский стан, в нем пусто было.
Но след почуяла, пошла.
Людей увидела – завыла.
На помощь будто бы звала.

Звериной сути не осталось,
Скуля легла, чтоб не упасть.
Один скелет да шерсти малость:
«Добить хотите? Ваша власть».

Добить рука не поднималась,
Чабан ружье с плеча не снял.
Ей воровство овец прощалось,-
Где скот, там волк всегда бывал.

Мальчишки тут, подходят близко,
В глазах волчицы лишь упрек.
Ей молока подносят миску
И мяса свежего кусок.

Чабан – солдат, ходил в атаки
В боях минувшей мировой.
Вдруг: «Хиросима», «Нагасаки»
В его тылу, в степи живой!

Не видел он с поры военной
Столь искаженных страхом лиц.
Злорадству дьяволов вселенной
В пространстве не было границ.

Прошли успешно испытанья –
Расчеты физиков верны.
Потомков тяжкие страданья
В расчеты те не включены.

Беда одна – злодейство века,
Уму, рассудку вопреки,
Сроднила волка с человеком
По жесту сталинской руки

А. П. Легкунец

Студентка университета «Шабьт» Асем Досова

«Сегодня близ Семипалатинска произведен подземный взрыв».

Слова газетные, нескладные, а сердце ноет, как нарыв.
Все в норме: гамма-излучение такое же, как и всегда.
И только фоновых значений чуть превышает иногда.
Не исключаются и выбросы, но в дозах очень небольших,
Так что не выгоны, не выпасы не загрязняются от них.
Нет, не сдержать нам гамма-натиска ничем до самой той
поры,
Пока вблизи Семипалатинска за взрывом громыкает
взрыв...

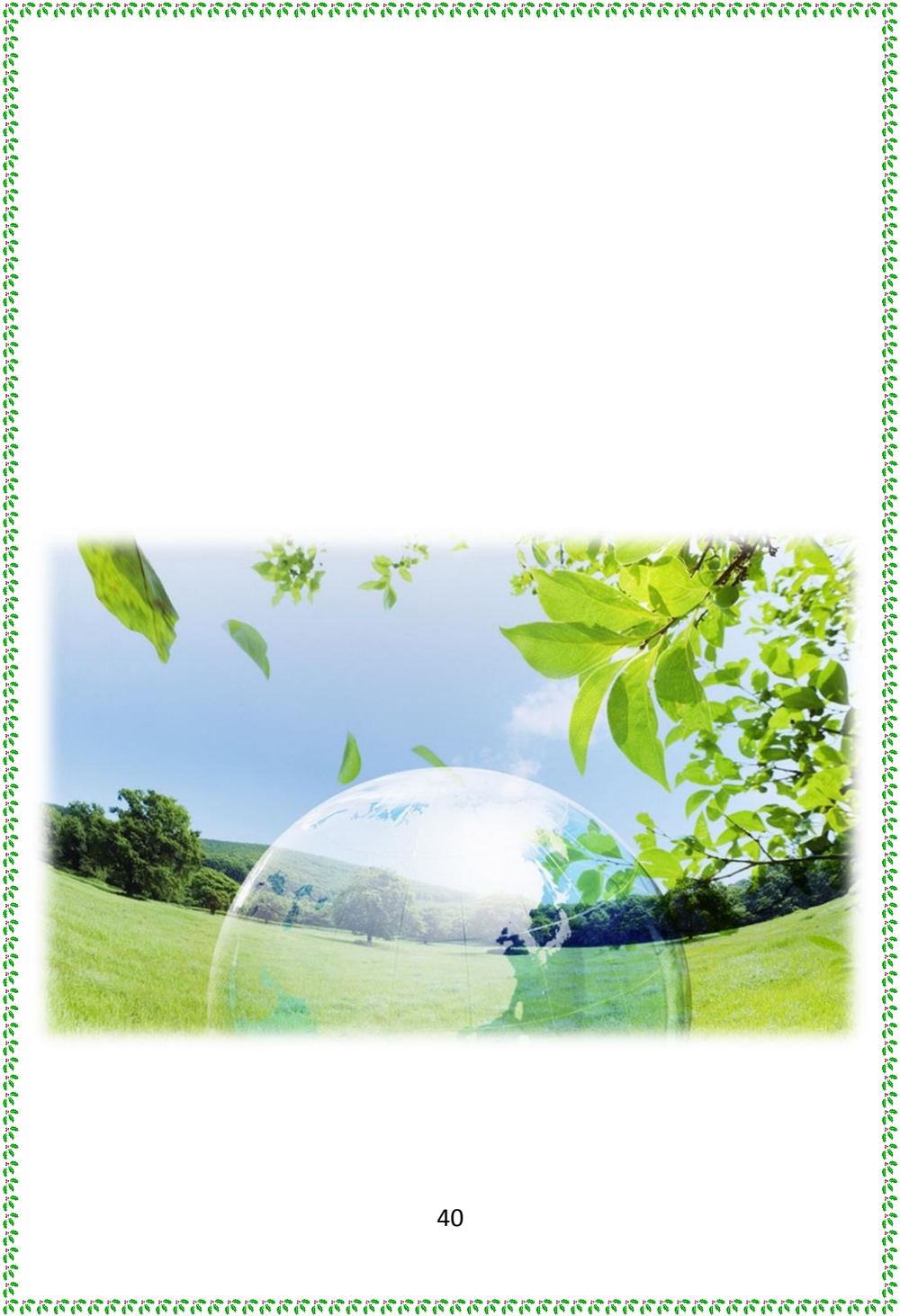
Таким образом, экологическая проблематика в произведениях казахских поэтов трактуется масштабно. Она касается исторического прошлого, настоящего, будущего и охватывает материальное и духовное, бытовое и бытийное, личное и всеобщее. В стихотворных текстах на экологическую тему представлен образ исковерканного пейзажа. Природа не та первозданная среда обитания. Ее естественная красота разрушена человеком. Экологический пейзаж окружает людей, для которых природа не есть уже объект эстетического любования и психологического покоя. Поэтому лирический герой в экологической поэзии испытывает тревогу о завтрашнем дне и испытывает горечь сожаления и душевные муки от осознания и осмысления природных катаклизмов.

Алфавитный указатель лиц, отмеченных в календаре

Алимкулов Такен.	
Бокеев Оралхан	6
Елубаев Смагул	7
Джансугуров Ильяс	8
Досанова Асем	24
Досмаханова Р. А.	17
Жаксылыков Аслан	9,10,11
Легкунец А. П.	22
Магауин, Мухтар	8
Макатаев Мукагали	17,18
Нурпеисов Абдижамил	13
Сариев Шумишбай	20
Сейсенбаев Роллан.	12
Сейфуллина Сакен	19
Сулейменов Олжас	2
Шаханов Мухтар	21

Содержание

От состовителя.....	3
Экология души: духовная связь человека и окружающей его природы в казахстанской литературе.....	5
Разрушено уже почти всё, но взамен не создано еще ничего»: экологические проблемы Казахстана в современной казахстанской прозе.....	9
Тема экологии в казахской поэзии.....	17
Алфавитный указатель.....	38

Составитель:

Карабаева С. А.

Редактор:

Устинова Т. В.

Ответственный за выпуск:

Мукашева К. Б.

